

Та группа писателей, о которой идет речь, ставила перед собой задачу создания новой культуры. Отсюда их энциклопедизм и плодовитость. Симеон Полоцкий выступал как богослов-полемист («Жезл правления»), как проповедник («Обед душевный» и «Вечеря душевная»), как драматург и переводчик. По подсчетам И. П. Еремина, его колоссальное поэтическое наследие достигает 50 000 стихотворных строк, причем в последнее время отыскиваются новые тексты. «Вертоград многоцветный» по композиции — тот же энциклопедический словарь, где стихотворения расположены по алфавиту, причем автор не заботился ни о жанровом, ни о тематическом единстве: он искал «многоцветия», хотел сгруппировать информацию, которой должен владеть просвещенный человек. Сильвестр Медведев, умерший, как и его учитель, на 51-м году, оставил меньшее литературное наследство. Он начал писать довольно поздно, прекратил же свои занятия года за два до «главосечения», еще прежде заключения «в твердое хранило» Троице-Сергиевой лавры. Патриарх безусловно запретил читать и распространять его сочинения, и все же до нас дошло — в современном пересчете — несколько томов, принадлежащих Медведеву — поэту, богослову, историку, не говоря о его переводческой и редакторско-издательской деятельности. Поражает продуктивность Кариона Истомина, Дмитрия Ростовского, Андрея Белобоцкого и др. Симеон, по словам Медведева, каждый день заполнял «в полдесть по полутетради» «зело мелко и уписисто».

Эта плодовитость — не графоманство, а следствие установки на тематическую широту. Бесспорно, однако, что в силлабике, которая была призвана в слове оформить новую культуру, поэтический момент учитывался слабо. «Виршеписатели» вслед за Кириллом Транвилионом исповедовали идею, что «сладкая мова под метри» украшает мысль — и ничего больше. Эта идея привела впоследствии к настоящему стихотворному наводнению, от которого «тошнило» Феофана Прокоповича. Из авторов нашей группы только последний да еще, пожалуй, Стефан Яворский сознавали разницу между поэзией и стихотворством. Стефан, который в Киеве был увенчан званием «poeta laureatus», — скорее, впрочем, новолатинский поэт, чем русский. Его блестящая «Элегия к библиотеке», от которой, по мнению Филарета (Гумилевского), не отказался бы и Вергилий, написана по-латыни; ее многочисленные переводы XVIII в. показывают, насколько трудно было тогда создать адекватное художественное переложение.

Чтобы сделать новую культуру доступной, требовался печатный станок. Россия не знала частных типографий; искали содействия у властей, другого выхода не было. Многие из профессиональных писателей служили в Книжной справе, но патриарх, распорядившийся ею, предпочитал почти исключительно богослужебные книги. Симеон Полоцкий добился заведения «верхней» типографии, но всего за два года до кончины. Кое-что печаталось privately за границей, например известные гравюры со стихотворной подписью Медведева, прославляющие Софию. В общем, средства к распространению новой культуры оказались ничтожными, и поэтому сборники, циклы и отдельные стихотворения поэтов-силлабистов часто оставались в одном-двух списках.

Просветители пытались подготовить и восприятие новой культуры, создать в Москве прослойку интеллигенции. Заметим, что все они были педагогами. Симеон Полоцкий, руководивший еще в Полоцке Богоявленской школой, устроил небольшую школу в Заиконоспасском монастыре; старостой в ней был Медведев, возобновивший предприятие своего учителя в 1682 г. В 1686 г. у Медведева было 23 ученика. Андрей Белобоцкий давал в Москве частные уроки латыни. Число учеников Ростовской школы Дмитрия Туптало простиралось до 200. Карион Истомин сочинял изве-